

В. О. Михневич

**Русская женщина XVIII
столетия**

Исторические этюды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. О. Михневич**
Русская женщина XVIII столетия: Исторические этюды / В. О. Михневич –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 403 с.

ISBN 978-5-4241-9486-3

ISBN 978-5-4241-9486-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА XVIII СТОЛѢТІЯ.

I.

Вмѣсто введенія.

Съ легкой руки историковъ-апологистовъ петербургскаго преобразовательнаго періода, пошло ходить по свѣту устойчивое мнѣніе, что между русской теремной женщиной старо-московскаго порядка и выведенной изъ терема русской свѣтской «дамой» XVIII столѣтія легла огромная разница въ общественно-правовомъ и умственно-культурномъ отношеніяхъ.

Это несовѣмъ вѣрно.

Оговариваемся, что мы разумѣемъ, именно, *теремницу* и *даму*, т. е. представительницу высшихъ привилегированныхъ классовъ, потому что о неощутительности перемѣны, въ указанныхъ отношеніяхъ, въ положеніи русской престонародной женщины-крестьянки, со временъ домостроевскихъ и даже по наши дни—не можетъ быть никакого спора. Тѣ же «три тяжкія доли» несла «женщина русской земли»—крестьянка триста лѣтъ тому

назадъ, какъ несетъ ихъ и понынѣ. Какъ нынѣ, такъ и тогда, поэтъ съ одинаковымъ основаніемъ могъ воскликнуть ей изъ глубины наболѣвнаго сердца:

„Ты вся воплощенный испугъ!
Ты вся вѣковая истома?“

Въ этихъ двухъ выразительныхъ стихахъ вся, можно сказать, и древняя, и средняя, и новая исторія русской сельской женщины и—намъ прибавить къ ней отъ себя нечего. Притомъ-же, крестьянка и, вообще, женщина низшаго общественнаго слоя на Руси никогда не была теремной затворницей и жила въ совершенно иныхъ бытовыхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, полумонастырскія и полугаремныя, въ какія была поставлена московская боярыня или холеная купчиха богатой «гостинной сотни».

Вслѣдствіе всего этого, петровская стремительная эмансипація, съ ея либеральными и культивирующими результатами для личности русской женщины, коснулась только одной представительницы высшихъ, «правящихъ» классовъ и была ея лишь исключительнымъ пріобрѣтеніемъ.

Какъ же она воспользовалась этимъ пріобрѣтеніемъ? Мы хотимъ спросить: въ какой степени наши салонныя, декольтированныя по парижской картинкѣ, съ кокетливыми мушками на засыпанномъ пудрою лицѣ, «щеголихи» проплаго вѣка эмансипировались на самомъ дѣлѣ отъ вѣковыхъ тяжелыхъ путъ умственной неподвижности, невѣжества, предразсудковъ и безправія, которыя дѣлали ихъ матерей и бабушекъ, допетровской эпохи, «породнымъ разумомъ простоватыми, и на отго-

воры несмысленными», по характеристикѣ Кошихина? Въ какой степени, говоря общиѣ, духовная индивидуальность русской женщины стала развитѣе, выше и самобытиѣе въ XVIII столѣтіи, сравнительно съ предшествовавшимъ вѣкомъ?

Вопросъ этотъ, составляя одну изъ намѣченныхъ нами главныхъ вѣхъ предлагаемаго изслѣдованія, нуждается въ провѣркѣ. До сихъ поръ, какъ мы сказали выше, отвѣтъ на него давался, большею частью, въ смыслѣ положительномъ и даже апологическомъ, подогрѣтомъ панегиристами пореформенной эпохи нашей исторіи. И такой отвѣтъ, если не вполне вѣренъ, то совершенно естествененъ: онъ прямо вытекалъ изъ господствовавшихъ въ нашей новѣйшей литературѣ и въ обществѣ «петербургскаго» уклада воззрѣній на эту эпоху и на ея значеніе въ русской исторіи.

Мы привыкли такъ рѣзко и круто различать петровский періодъ отъ предшествовавшаго, противопоставляя ихъ одинъ другому, какъ два діаметрально-противоположные міра, и съ такимъ беспощаднымъ отрицаніемъ относиться къ міру старо-московскому въ пользу петербургскаго, что культурное превосходство русской женщины новѣйшей генерациіи не подлежало въ нашихъ глазахъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Нужно замѣтить, вообще, что до послѣдняго времени наша новѣйшая историческая литература «западническаго» оттѣнка, поставивъ себѣ главной цѣлью оправдать петровский переворотъ и доказать историческую цѣлесообразность сопровождавшихъ его насилій надъ обычаями и нравами народа, отличалась большею частью

полемическимъ характеромъ. А гдѣ полемика, гдѣ предвзятая идея, тамъ неизбѣжны увлеченія и преувеличенія тѣхъ фактовъ и явленій, которые могутъ говорить въ пользу этой идеи.

Кажется, въ настоящее время вполне признаны бесполезность и ненаучность такого метода изслѣдованія, да и реформы Петра I не нуждаются болѣе въ оправданіи. На мѣсто историковъ-адвокатовъ и панегиристовъ выступаютъ историки-физиологи, анализирующіе прошлое народа въ строгихъ границахъ науки и установленныхъ ею законовъ человѣческаго, личнаго и соціальнаго развитія.

Съ точки зрѣнія этихъ началъ, историческій ходъ русской жизни послѣднихъ двухъ столѣтій получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ то, къ которому приучили нашъ глазъ историки задняго числа. Во всякомъ случаѣ, предстоитъ значительно съузить въ нашемъ представленіи воображаемую безпредѣльную пропасть, расколотившую надвое историческую территорию нашего прошлаго и составляющую *Standpunkt* въ его изученіи. Приходится убѣдиться, что эта роковая трещина имѣетъ не мало спаекъ и точекъ соприкосновенія съ обоихъ своихъ краевъ, что она, въ дѣйствительности, была далеко не такъ широка и глубока, какъ ее старались изобразить наши бытописатели, славянофилы и западники. Главное, она не была и не могла быть, по отношенію къ жизненнымъ основамъ, такой внезапной и вулканической, какою мы приучились ее себѣ представлять.

Вообще, прежняя наша историческая школа очень плохо соблюдала требованія перспективы въ живописа-

ни прошлаго, внося въ него преднамѣренное освѣщеніе и перетасовывая факты, для достиженія декоративнаго эффекта, совершенно въ разрѣзъ ихъ естественной группировкѣ. Она гналась именно за декоративностью, выдвигала на первый планъ рѣзкими, яркими пятнами не въ мѣру преувеличенные и непремѣнно эффектированные излюбленные фигуры и моменты, оставляя въ тѣни и заглушевывая тѣ, которые ей не нравились и могли вредить цѣлостности и живописной законченности картины. Вниманіе сосредоточивалось, поэтому, на одномъ внѣшнемъ, такъ сказать, парадномъ ходѣ исторіи, на поражающихъ своей чрезвычайностью и яркостью событіяхъ и эпизодахъ, да на фигурахъ неизбѣжныхъ «героевъ», которые, точь въ точь какъ на суздальскихъ изображеніяхъ знаменитыхъ генераловъ, занимали весь передній планъ историческаго полотна, съ болтающимися у ихъ ногъ, гдѣ-то назади, крошечными человѣчками, представлявшими «народъ», эскизно замалеванный однимъ взмахомъ кисти.

Вслѣдствіе такой фальшивой манеры письма и отсутствія правильности перспективы, чуть исторической правды было утрачено, какъ была утрачена и та жизненная нить исторической преемственности событій, безъ которой они теряютъ свой внутренній смыслъ и являются, какъ *Deus ex machina*. И только теперь признана необходимость снять эту искусственную подмалевку съ событій и характеровъ прошлаго и распланировать его картины согласно естественной группировкѣ фактовъ и моментовъ, такъ беззаботно перетасовывавшихся историками-декораторами.

Такимъ-же образомъ—и можетъ быть преимущественнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ—распожгалась исторіографія красками и свѣтотѣнью въ изображеніи и изученіи петровской реформы, въ ея цѣломъ и подробностяхъ.

Начать съ того, что уже самой, несомнѣнно исполинской, фигурѣ Петра придавались какіе-то совершенно эпическіе, нечеловѣческіе размѣры *бога, творца*, одной «железной» волею своей создающаго *новую* жизнь, новую *эру*, и не только внѣ непреложныхъ требованій мѣста, времени и обстоятельствъ, но какъ-бы наперекоръ имъ. Вспомнимъ, хорошо знакомые намъ со школьной скамьи, рутинные ярлыки, приданные всей этой эпохѣ: «переворотъ», «переломъ», «разрывъ», съ понятіемъ которыхъ, мы усваивали себѣ представленіе совершенной и непримиримой раздвоенности всей русской исторіи, какъ-бы переломанной однимъ ударомъ мощной руки Петра. Это было такъ просто и въ то же время такъ эффектно. Отсюда вся преобразовательная дѣятельность петровскаго царствованія являлась чѣмъ-то внезапнымъ и насильственнымъ, какимъ-то, невѣсть откуда налетѣвшимъ—на взглядъ однихъ разрушительнымъ, на взглядъ другихъ, плодотворнымъ—ураганомъ, въ одно мгновеніе сдунувшемъ съ лица русской земли всю ея вѣковую плесень, всю «старину»—достояніе многихъ, многихъ поколѣній.

И въ самомъ дѣлѣ, перестановка декорацій и переодѣванье дѣйствующихъ лицъ совершились съ замѣчательной быстротой и отчетливостью. Куда дѣвались длинныя, азіатскаго покроя, фережи и тѣлогрѣи, горлатныя шапки и кики, осанистыя фигуры и дородныя талии,

пушистыя бороды и ветхозавѣтныя прически? Куда исчезли аскетическая замкнутость общественной и семейной жизни, тяжелая, сковывавшая каждый шагъ московскаго человѣка полувосточная, полумонастырская обрядность, отчужденіе отъ иностранцевъ и китайская нетерпимость ко всему заморскому, азіатская спѣсь и азіатская отсталость мысли, образа жизни, учреждений? Ментально, отъ всего этого, казалось, не осталось и слѣда: волшебникъ-режиссеръ, однимъ мановеніемъ, до неузнаваемости мѣняетъ сцену, декораціи, костюмы, и, какъ-бы, переноситъ насъ на коврѣ-самолетѣ изъ Азіи въ Европу, изъ сумрачныхъ, затхлыхъ кремлевскихъ палатъ въ сверкающія вкусомъ, модой и роскошью версальскія. На очищенные за минуту отъ кошихинскихъ фигуръ историческія подмостки врывается шумная, пестрая блестящая толпа раззолоченныхъ, послѣдняго парижскаго фасона, кургузыхъ кафтановъ и камзоловъ, пышно вздутыхъ робронровъ, фижмъ и брызжей, завитыхъ, напудренныхъ париковъ и щегольскихъ, набекрень заломанныхъ токовъ и треуголокъ... Бойкій говоръ, французская рѣчь, гармоническіе звуки гобоевъ и клавирина, скользящія по паркету легкими па танцующія въ мѣнутѣ граціозныя пары... Не сонъ-ли все это?

И среди этихъ юркихъ, элегантныхъ петиметровъ и позирующихъ, театрално-вчинственной осанки, кавалеровъ—она, «царица общества», на первомъ мѣстѣ, окруженная фиміамомъ рыцарскаго благоговѣнія, утонченной вѣжливости и угодничества, свободная и гордая сознаниемъ своей власти, чарующаго обаянія своихъ обнаженныхъ бѣлоснѣжныхъ плечъ, искристыхъ, смѣлыхъ

взоровъ, своей граціи, свѣтскости и изящества... Она — та самая женщина, что еще вчера, въ четырехъ стѣнахъ своего терема, «яко пустыница» и безправная раба, «лицо свое слезами омываше», пугливая и смиренная, «разумомъ простоватая и несмышленная», всѣ идеалы которой ограничивались узкой рамкой Домостроя... Не чудо-ли свершилось передъ нами?

Все это, дѣйствительно, съ точки зрѣнія усвоеннаго нами историческаго глазомѣра, носило характеръ какой-то театральной чудесности и неожиданности. И эти-то декоративно-костюмерскія чудеса, въ связи съ картиной лихорадочно-нетерпѣливой возни, начатой Петромъ по переустройству, на нѣмецкій ладъ, всѣхъ государственныхъ учреждений, поглощали все наше вниманіе, поражали и изумляли своей виѣшной выпуклостью и своимъ безпощаднымъ, казалось, противорѣчіемъ со вчерашнимъ днемъ всей русской жизни.

Поразжала насъ, а подъ перомъ историковъ-панегристовъ, превозносилась эта неслыханная инертность, эта безропотная, воспримчивая гибкость русскаго общества, съ которыми оно такъ, повидимому, легко и дешево не только позволило, вдругъ, переобмундировать себя, но и, отрѣшилось, сразу и окончательно, отъ всего своего прошлаго, отъ всѣхъ традицій и вѣковой дѣдовской морали.

Складывалось представленіе въ томъ именно смыслѣ, что все русское общество, вся Русь, совершенно независимо отъ своихъ требованій, желаній и стремленій, «единнымъ руководеніемъ Петра изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и присоеди-

лись къ образованнымъ государствамъ Европы», какъ это торжественно выражено въ одномъ государственномъ актѣ петровскаго царствованія.

Словомъ, картина метаморфозы Россіи и ея *пересозданія* чудеснымъ образомъ получалась въ такомъ рѣшительномъ и художественно-законченномъ видѣ, не смотря на чрезвычайность ея содержанія, что не оставлялось и мѣста сомнѣнію въ ея реальности.

Нужно замѣтить, что подобныя оптическіе обманы и иллюзіи удивительно прочно вкореняются въ сознаніи довѣрчивой толпы, и разсѣять ихъ не такъ легко, какъ кажется. Однакожь, историческая критика уже много сдѣлала для этого. Трезвый, пытливый глазъ изслѣдователей давно проникъ за нагроможденныя на этомъ «театрѣ славы» декораціи и освѣтилъ ихъ закулисныя стороны, а подъ новомодными, нѣмецкаго покроя, кафтанами и париками дѣйствующихъ лицъ этого «театра» давно разглядѣтъ старыхъ знакомыхъ.

Мы теперь знаемъ, что въ исторіи ни чудесныхъ превращеній во вкусѣ Боско, ни «исполинскихъ шаговъ» не бываетъ, поскольку немислимо въ ней ничто случайное и внезапное, необусловленное естественнымъ теченіемъ историческихъ обстоятельствъ.

Самъ Петръ и его реформа были продуктомъ исторической необходимости; вся его геніальная, творческая дѣятельность заключалась лишь въ пониманіи назрѣвавшихъ въ народѣ прогрессивныхъ стремленій и въ умѣннн стать ихъ выразителемъ и руководителемъ. Стало быть, въ строгомъ смыслѣ, тутъ не было ничего насильственнаго, если не останавливаться на мелочахъ и внѣшнихъ

формахъ; но въ то же время не было и не могло быть того гигантскаго скачка и того кореннаго перерожденія, которыя приписывались русскому обществу и русскому человѣку, начавшимъ, будто-бы послѣ многовѣковой неподвижности, шагать во всю прыть, «по единому рувожденію» Петра.

Пристальное изученіе эпохи, предшествовавшей Петру, неотразимо убѣждаетъ, что между нею и петровской реформой есть непрерывная связь и послѣдовательная историческая преемственность. Напр., все царствованіе Алексѣя Михайловича было положительно подготовкой петровскихъ преобразованій, а въ особенности что касается открытія «окна въ Европу».

«Если всмотрѣться, — говоритъ одинъ талантливый критикъ извѣстной книги Устрялова, — въ сущность того, что скрывается подъ формами (общественной жизни и управленія), то окажется, что петровскій переходъ все не такъ рѣзокъ съ той и другой стороны, — т. е., что во время передъ Петромъ въ насъ не было такого страшнаго отвращенія отъ всего европейскаго, а теперь — нѣтъ такого совершеннаго отреченія отъ всего азіатскаго, какое намъ обыкновенно приписываютъ». Замѣчаніе это было высказано въ недавніе еще сравнительно дни господства у насъ крѣпостнаго права и потому легко понять всю его убѣдительность.

У насъ часто упускается изъ виду то основное историческое положеніе, что люди, ихъ нравы и понятія прогрессивно мѣняются и переводятся весьма медленнымъ и труднымъ путемъ, какъ-бы рѣзко и быстро ни передѣлывались внѣшнія формы ихъ жизни и какая-